

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПА

Падал прошлогодний снег

Пермский балет показал вечер британской хореографии

Юлия Баталина

Давно уже не было в Пермском театре оперы и балета такого ажиотажа. Даже навороченные постановки Теодора Курентзиса подобным спросом не пользуются: на все три премьерных вечера билеты были раскуплены заранее, «опоздавшие на раздачу» пытались пролезть в театр правдами-неправдами. Пермь подтвердила давний статус «балетного города», с благодарностью откликнувшись на долгожданную первую балетную премьеру сезона.

Главный балетмейстер театра Алексей Мирошниченко об этом спектакле давно мечтал, доказывал худруку Курентзису необходимость постановки. На пресс-конференции, предвещающей премьеру, он говорил, что чувствует себя так, будто «пять лет кого-то любил, а тебя посылали, а на шестой вдруг ответили взаимностью».

Вообще, Мирошниченко проявил феноменальное красноречие и склонность к изысканным метафорам. Балет XX века он называет «неоклассической шкатулкой», откуда пермская труппа вынимает одну за другой танцевальные драгоценности. И уже почти всё вынула! Баланчин освоен досконально, остались последние мэтры неоклассики — британцы Фредерик Эштон и Кеннет МакМиллан, на них-то и основывался замысел руководителя пермского балета. К двум признанным именам он решил добавить молодого современника Дагласа Ли, который уже работал в Перми: ставил миниатюру Souvenir для вечера современного балета «Видеть музыку» (2011 год) — этот мини-спектакль тогда даже номинировался на «Золотую маску». Благодаря подключению Ли получился вечер британского балета на рубеже тысячелетий: две миниатюры XX века и одна — XXI.

Стилистические и тематические переключки тоже нашлись: в балетах Эштона и МакМиллана речь идёт о зиме,

Дагласу Ли тоже была заказана зимняя миниатюра. Вечер получил название «Зимние грёзы» — так называется балет МакМиллана, да и в целом название подходящее: атмосферное и слегка по-балетному манерное.

Начинается вечер с «Конькобежцев», поставленных Эштоном в 1937 году на музыку из опер Джакомо Мейербера. Красноречивый Мирошниченко говорит, что это «стильный винтаж», и сравнивает с цветными стёклами в окнах викторианских зданий: посмотришь — и весь мир снаружи немножко викторианский.

Для нынешнего наблюдателя это действительно другой мир: муфты и пелерины, цветные фонарики и снег — да, снег! — в Европе. Сейчас подобную рождественскую идиллию можно наблюдать лишь где-нибудь в Норвегии или Исландии, но во времена королевы Виктории и в Англии зимы были настоящие, снежно-ледяные, в те годы вся Европа вставала на коньки. «Конькобежцы» — это ностальгическая зарисовка, посвящённая уже почти сказочным годам, которые сквозь цветное стекло времени представляются беззаботными и невинными.

Эштон придумал для своей бессюжетной миниатюры о том, как молодёжь катается на катке, очень стильную, «скользящую» хореографию, а танцовщики пермской труппы точно и с явным удовольствием её исполнили.

Самый эффектный выход был у комического женского дуэта Альбины Рангуловой и Анны Поистоговой, но всех «сделали» опытные Наталья Моисеева и Сергей Мершин в «белом» лирическом дуэте. Моисеева нашла благодатный хореографический материал, который помог продемонстрировать лучшие её черты и качества: всё красиво — и ноги, и лицо.

Компонуя вечер, Мирошниченко, наверное, исходил из принципа контраста, потому что динамичных, разноцветных и лёгких «Конькобежцев» сменила миниатюра Дагласа Ли «Когда падал снег», поставленная на киномузыку Бернарда Херрманна. Музыка атмосферная, понятно, почему хореограф взял её для зимней темы — она похожа на звон ледышек на фоне завываний ветра. Судя по всему, современный молодой британец видит зиму как царство сковывающего холода и полного отсутствия красок.

Движения на сцене минимум, цвета вообще нет. Солисты одеты в асфальтово-серое, а вся сценография состоит из экрана, который нависает над танцовщиками, будто на нём вот-вот что-то будет показано. Но... «ружьё не стреляет», экран остаётся слепым и немым.

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

Маша из Перми (Наталья де Фробервиль) — мечта офицера

Основа танцевального языка балета — подвижность бёдер и плеч в противовес механичной, жёсткой неподвижности рук и ног: по телу танцовщиков будто волна проходит — и они застывают, словно манекены, в странных, причудливых позах. От артистов требуется идеальная синхронность, ибо они не просто выполняют движения под музыку, но являются элементами сложной абстрактной картины.

Эх, если бы всё это ещё можно было рассмотреть... Но в глаза зрителям так жестоко бьют прожекторы со сцены, что балет превращается в какую-то изошрённую восточную пытку. Приходится закрывать глаза, но и с открытыми трудно что-то разобрать. В антракте зрители жаловались на головную боль и сетовали, что художнику по свету стоило бы посидеть в зале на разных местах, чтобы выверить угол наклона прожекторов.

В финале мини-балета, как и следует из его названия, на сцене идёт снег — правда, чёрный, индустриальный такой, городской.

Снег сыплет на сцену в финалах всех трёх миниатюр; «Зимние грёзы» Кеннета МакМиллана — не исключение. Да и как можно обойтись без снега, если речь идёт о России? Балет поставлен на сюжет чеховских «Трёх сестёр» и, по словам Алексея Мирошниченко, представляет собой грёзы хореографа о России.

Что же такое Россия для МакМиллана? Это бесконечное застолье под большим абажуром, с самоваром, конечно же; провинциальная тоска, офицеры, адюльтеры и водка. Если кому-то нужен пример балета в духе «развесистой клюквы», то он перед вами: набор штампованной «русскости» был для балетмейстера, похоже, гораздо важнее, чем, например, характеры. Если не заглядывать поминутно в программку, не разберёшь, кто тут Тузенбах, а кто Солёный — у них и костюмы одинаковые, и

хореография, и сценический функционал. Из «Трёх сестёр» британец сотворил банальную историю о романе заезжего офицера с замужней дамой. Знатоки Чехова очень удивятся.

Казалось бы, стоит ли говорить о характерах и сюжете, если мы обсуждаем балет? Там ведь в первую очередь танцуют! В том-то и дело, что нет, не так уж и танцуют. Это та разновидность «драмбалета», которая очень много взяла от пантомимы. Любителям сложной, оригинальной хореографии искать здесь нечего. Неудивительно, что зрители поверить не могли, что балет поставлен в 1991 году, — думали, опечатка, спорить готовы были, что это 1950-е годы: тогда такая хореография, наверно, выглядела передовой.

Так что снег в этом балете, конечно, падает, но слегка прошлогодний.

Справедливости ради надо сказать, что знатоки, видевшие «русские» балеты МакМиллана у него «дома», в Ковент-Гардене, утверждают, что там это смотрится гораздо лучше. Тамешние танцовщики отменно совмещают пластику и психологию, и столь любимый, можно сказать, «фирменный» макмиллановский натурализм там смотрится органично и забавно. В Перми же, когда на авансцене офицеры «портят» горничную, зал даже не смеётся.

Впрочем, впечатление от «Зимних грёз» всё равно в целом светлое, лирико-меланхолическое. В этом — огромная заслуга музыкантов, которые, одетые в исторические мундиры, всё время присутствуют в глубине сцены. Артём Абашев за роялем демонстрирует высочайшую культуру и изысканность, исполняя фрагменты из Чайковского, а русские народные мелодии в очень своеобразной аранжировке для четырёх гитар, мандолины и балалайки звучат сказочно-архаично, создавая атмосферу волшебной старины. ■

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

«Белое» па-де-де в исполнении Натальи Моисеевой и Сергея Мершина